ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: http://zavtra.ru/

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Рассказ

До двенадцати дня следующего воскресенья

Посвящается лейтенанту Пухову

Фогель. Вдвоём они напоминали собаку. Они были слепые – супруги Фогель, обрусевшие немцы. Старик шёл впереди, постукивая палочкой, запрокинув назад голову – приоткрытый рот, слепая, желтоватая склера без радужной оболочки, без зрачков, невидимый взгляд, обращённый с надеждой вверх, к тому, кто ещё заставляет идти. А Берта за ним, положив ему обе руки на плечи. Иногда она опускала голову, Берта, когда уставала. Так она и шла с головой, лежащей на её же руке, повыше локтя. Может быть, она спала? Во дворе было пыльно.

Вечером старик играл на рояле. Старый кабинетный "Стейнвей". Они жили на втором этаже, как раз над нами. Всё было слышно. Полонез Огинского, он часто играл полонез Огинского. Вечером, когда солнце было красное и большое и на него можно было смотреть не моргая, он играл полонез Огинского. Я знал, что солнце должно было попадать в комнату Фогелей, хотя и никогда у них не был. Вечером я лежал на диване, слушая эту музыку для идущих на смерть, и представлял себе его лицо. Освещённое, красноватое лицо старика. Полонез Огинского. Когда он умер и я поднялся в его комнату, то увидел, что рояль стоит в углу перед стеной.

Фогель. Почему Фогель? Капельница. Кто я? Капельница. Сколько мне лет? Кто в белом? Кто наклоняется?

Я СЕСТРА, СЕСТРА, СЕСТРА, СЕСТРА, СЕСТ…

– Вы меня слышите? Вы меня слышите? Вы узнали меня? Я сестра, медицинская сестра.

Двойные лица этих людей. Она говорит: журналисты, это пришли корреспонденты, они хотят написать про вас, они тоже были в Афганистане. Они говорят, что интервьюировали вас два года назад, под Кандагаром, когда вы получили орден Красного Знамени. Они вернулись сейчас из Газни. Они говорят, что все меняется.

ГАЗНИ. Я НЕ ХОЧУ. ГАЗНИ. Я НЕ ХОЧУ. КАЗНИ.

Голос сестры:

– Он ещё очень слаб. Нельзя.

Мужской голос шепчет:

– Поймите, нам нужно написать о его страданиях сейчас, как можно скорее, как вы не понимаете, ситуация...

Сестра:

– Он закрыл глаза, он всё ещё проваливается.

Мужской голос настойчиво шепчет:

– Один вопрос, только один вопрос. Я сразу уйду, если что. В конце концов врач же разрешил три минуты, ну что вы, девушка!

Сестра:

– Нельзя.

Голос:

– Девушка!

Сестра:

– Уходите немедленно.

Голос:

– Вы политически безграмотны.

Сестра:

– Уйдите, я вызову врача! Вы видите этот шланг?

Она плачет, моя белая сестра. Лица опускаются. Лица уходят. Их уносит ветер, просто сквознячок из-под двери, эти жёлтые, ссохшиеся листья. Что я сказал? Я, кажется, что-то сказал? Хрип крови.

НЕ БЫЛИ ТАМ ОНИ.

В ущелье, чуть выше слияния двух рек с проклятыми названиями. Мы спустились туда с перевала, мокрые как собаки, четыре человека, обвешанные железками и подсумками, и снег стал дождём. Мы были и измучены, как собаки, потому что отдыхали мало, боялись замёрзнуть, – восемь часов подъёма на перевал и четыре часа спуска, из них два в связке. Вышли по снежнику в долину. Боялись минных полей. Пока Мамедов, ругаясь, делил сушёные бананы, мы пытались сориентироваться по техническим снимкам с вертолёта. Потом увидели белое облако, оно поднималось к нам снизу, из ущелья, затопляя террасу за террасой. Оно подбиралось, выпуская вперёд белые щупальца. Душманы, где-то здесь душманы. Мы знали об этом, но не говорили. Мы знали, они не выдадут себя – нет здесь высокой и круглой башни, не закричит муэдзин. Сзади, с перевала наползала чёрная плоская туча. Мы не видели, потом увидели. Хорошо, что успели спуститься, сказали мы себе. На границе между чёрным и белым облаком. Мамедов, азербайджанец, всё время смеялся, или смеялся, или ругался. Стрелял он классно из пистолета. Я его любил. Я сам его выбрал в четвёрку за смех... Его убили, Мамедова, потом. Эти гнусные американские пули. Задевает за руку, а выходит из спины, вырывает кусок мяса. Гнусность. Мамедов всегда стрелял в десятку.

ВАМ НАДО СПАТЬ. СПИТЕ.

Темнота. Что это? Поднимается со дна город. Наш, русский, город. Почему Псков? Галя в красной блузке, яркой, на сцене: "Война совсем не фейерверк, а просто трудная работа, когда черна от пота вверх...". Дальше! "Когда черна от пота вверх...". Дальше! Не помню. Галю помню. В Пскове тоже был снег. Шубы. Друг против друга мы в шубах. Раскраснелись. Дышим. Игра в снежки. Вдруг её глаза, словно пальцами трогает что-то во мне: "Володя". И снова ускользает, смеется: "Давай пристегнёмся, а? Давай опять пристегнёмся?". Я не хочу, боюсь, лучше просто смотреть в глаза. Она сама расстёгивает ремень на моей широкой шубе. Я вижу: она удлиняет ремень. "Держи". Прижимается ко мне. "Давай". Пристегивается. "Пошли на них. Мы – медведь". Что со мной? Я обнимаю её. Шуба. Там под мехом она. Она женщина. Как это женщина? Что со мной, что за тяга? "Я" уходит в неё. Мне страшно. Это мука. Сладкая мука. Ничего больше не надо. Быть в ней. Вот так держаться и идти. Она отстегивается. Убегает. Смеётся. Дразнит. Как же так? Куда ты, Галя? Не убегай. Не уноси меня от меня. Я не могу теперь без тебя, мне холодно. "Володя".

ЗНАЧИТ, МЕНЯ ЗОВУТ ВОЛОДЯ.

Я шепчу: "Воды". Шепчу: "Воды". Неужели не слышит белая сестра? Вот же её спина, так близко. "Воды". Что это? Дверь открывается – чувствую, не вижу. Снова они? Корреспонденты? Зачем им это? Ведь это только скорлупа ореха. Есть же Галя, старый дом, Фогель – они, как острова. Я не хочу возвращаться туда, где я убивал, где меня казнили.

ГАЗНИ. ЭТО БЫЛО СОВСЕМ НЕ В ГАЗНИ. ГАЗНИ – ЭТО НАЗВАНИЕ ПЛОСКОГОРЬЯ В ЦЕНТРЕ АФГАНИСТАНА. ГАЗНИ – ЭТО ТАКЖЕ НАЗВАНИЕ ГОРОДА И РЕКИ. НО КОГДА МЫ БОЛТАЛИСЬ В КУЗОВЕ МАШИНЫ, ОПИРАЯСЬ НА ВЫДАННЫЕ ЛЕДОРУБЫ (МАЛО НАМ АВТОМАТОВ!), МЫ ПОЧЕМУ-ТО ТВЕРДИЛИ: ГАЗНИ. ТОГДА НАС ПЕРЕБРАСЫВАЛИ ИЗ-ПОД КАНДАГАРА НА СЕВЕР, В РАЙОН ГИНДУКУША.

Какой-то человек там, у двери, повторяет сестре фамилию Максимов. Он говорит: Максимов, прапорщик Максимов, Максимов.

Я МАКСИМОВ.

Володя Максимов. Я. "Диверсант". Когда-то поступал на физический факультет МГУ. Хотел узнать, что такое время. Провалился. Попал в ВДВ. Школа сержантов. В Крыму нас выбрасывали с парашютом в море за шесть километров от берега, плыви, как хочешь.

Андрей БЫЧКОВ

Я могу один вывести из строя целый завод, без минирования. Нас учили. В Афганистан попросился добровольно. Галина мачеха написала в письме, что Галя вышла замуж. Потом я узнал: мачеха обманула.

Сон.

Душманы. Грязный дувал. На корточках муэдзин с лицом раздавленного василиска. Я прошу дать мне что-нибудь банальное. Муэдзин говорит: "Дайте ему песочные часы. Когда просыпется песок, тебя казнят". Наверху время живое, внизу мёртвое. Живое время шевелится, песчинки поблёскивают. Живая поверхность. Я вижу воронку, сердцевину живого времени, куда затягиваются с боков песчинки. Проваливаются. Исчезают. Мертвое время внизу сползает пластами, словно распятые замороженные туши быков. Муэдзин смеется. Я протягиваю руку к часам. Сейчас выстрелят. Нет. Неподвижность вокруг, только моя рука тянется к песку. Значит, можно? Я беру эту штуку, кладу набок. Молчание. Неподвижен песок. Я разглядываю песчинку, застрявшую в устье. Маленький, единственный кристаллик. Муэдзин исчезает.

ЧТО ТАКОЕ ВРЕМЯ?

– Вам ведь лучше, – уговаривает меня белая сестра.

Я киваю.

– И температура спала. Скоро срежут гипс, вы сможете двигаться.

Я не смотрю на нее. Этот странный прибор у моего изголовья. Нечто похожее на капельницу, но это не капельница. Кажется, была капельница? В приборе жидкость, что-то жужжит, иногда тихо загорается лампочка. Он что-то делает со мной, этот прибор. Он стоит снаружи, а делает что-то внутри. Вот шланг.

– Что это?

Она отворачивается.

– ЧТО ЭТО?

Молчание. Она говорит:

– Это насос.

Она неестественно улыбается:

– Вы будете, будете ещё физиком. Вы так интересно рассказывали про время.

– Это был бред. Я не помню.

– А я вот поступала на исторический...

"Она отвлекает меня. Что это за насос, Господи?"

– Хотите, я вам что-нибудь расскажу?

"ЧТО ЭТО ЗА НАСОС?"

Она улыбается: Париж. Она говорит: Лувр. Её губы раскладываются: лестница Дарю. Глаза просвечивают изнутри, как у молодой самки джейрана. Она говорит: Ника Самофракийская. Она говорит: конец третьего века до нашей эры, начало второго. Ника, она собрана из ста восемнадцати кусков, у неё огромные крылья и устремлённое вперёд тело, ткань хитона, тело ветра и тело Ники. Она смеётся: это победа. Но почему она плачет, моя белая сестра? Что это? Она словно пытается спрятать острое в вату. Не хочу вспоминать! Уведите её, она не может держать себя в руках!

ЧТО ЭТО ЗА НАСОС?!

Сон.

Душманы. Грязный дувал. Муэдзин говорит: "Тебя казнят, когда приедет палач. Но если он не приедет до двенадцати дня следующего воскресенья, то казни не будет. И ещё, по нашему закону мы предупредим тебя за сутки до казни". Муэдзин – мокрое лицо – хохочет: "Обязательно предупредим, иначе нельзя казнить, такой закон". Они ушли. Я остался. Капает вода с каменного потолка. "До двенадцати дня следующего воскресенья". Сердце говорит: "Это не я, не я, он не приедет, не приедет". Голова холодна: "Начни с конца этой последней нити. Займись вычислением, чтобы избавиться от липкого страха. Итак. Значит, если они не придут до двенадцати дня в субботу, то в воскресенье, в последний день меня не казнят. Но могут казнить в субботу. Так. Но казни не будет и в субботу, если они не придут до двенадцати дня в пятницу. А-а! Господи! Казни не будет и в пятницу, если не предупредят в четверг. Сердце, успокойся, подожди. Да, все правильно. Четверг – среда. Среда – вторник. Вторник – понедельник. Понедельник – воскресенье. Сегодня воскресенье. Одиннадцать утра. Значит, если они не придут в течение часа, то казни не будет. Не будет, не будет, не будет. Подлый муэдзинишка. Сейчас они ввалятся пьяные с хохотом: "Ну что, посчитал, абитуриент?". Меньше часа, мне осталось меньше часа". Капает вода: "Не я, не я, не со мной, не со мной...". Они войдут сейчас. Где я?

Когда я был маленький, у нас были песочные часы. Однажды я играл с ними во дворе на солнце. Вдруг чья-то тень. Высокий, тучный Фогель, мутная склера: "Во что ты играешь, мальчик?". Я объясняю. Он как-то странно смеется: "Положи-ка лучше их набок". Что это? Они войдут сейчас. Сейчас. Сейчас. Сейчас. Но уже темно за окном, уже вечер. Их нет. Их нет! Значит, меня не казнят? Голова холодна: "Значит, меня не казнят". Сердце: "Казнят, казнят". Засыпаю, просыпаюсь, ем, живу. Засыпаю, просыпаюсь, ем, живу. Понедельник.

Вторник. В среду приезжает палач. В четверг мне отрубают голову.

Когда отрубают голову, первое, что ты чувствуешь, это нестерпимый холод в горле, а потом гаснущее удивление, что это твоё, именно твоё тело корчится рядом с тобой на зелёной стеклянной траве.

ЛАМПОЧКА ЯРКАЯ. ЗАГОРАЕТСЯ – ГАСНЕТ. ТИХО ЖУЖЖИТ ПРИБОР. Я ВОЛОДЯ МАКСИМОВ.

– Максимов!

– Я.

Их горы другие – больше, чем наши. Это их север, и здесь караванные тропы – действительно тропы а не дороги, как в провинции Кандагар. Это хорошо, что сейчас в горах снегопады, – нет скорпионов и змей. И высоко на леднике трещины будут забиты, можно идти без верёвки, не связываясь, это быстрее.

– Максимов, пересечёте с группой ледник. Подойдёте вон к той седловине. Судя по карте, перевал там, ложное окно правее. Но душманов сейчас там нет, я уверен, почти уверен.

– Куда там, товарищ капитан. Они же только на вертолёт здесь реагируют. А в такую погоду травку небось курят или каракуль свой чешут.

– Могут быть мины, – отвернулся капитан.

Облако. Серая муть. Буквально на глазах тает гранатомет, мортирки уже не видно, – он всего в десяти метрах от меня. Я плохо вижу лицо капитана.

– Максимов, если вас всё же обнаружат на леднике, – он постукал по зачехлённому стволу гаубицы, – мы прикроем. Но там, за перевалом, сам понимаешь.

– Всё ясно, товарищ капитан.

– Контрольный срок – послезавтра, двенадцать часов.

Что там, за перевалом? Что за ущелье? Описания дальше нет. Проводник подорвался. Остались только технические снимки с вертолёта, видны сыпучие скалы – это плохо, но потом полка – это хорошо, по ней можно пройти, снежник, выход на морену, здесь камнепады, надо держаться ближе к скалам, по "бараньим лбам" можно выйти на ледник. Надо идти сейчас, пока муть. Если раздует, придётся вернуться, вдруг на перевале наблюдатель, "каракулевый сторож". Подпустит поближе и перещелкает, как котят. На юге мы только ночью и передвигались, а днем, не двигаясь, лежали в расщелинах. Если пойдёт снег – можем заблудиться, замёрзнуть, хоть бы и компас. Кстати, и эти новенькие металлические ледорубы ни к черту – гнутся, собаки. Старые, с деревянными ручками, мы учились с ними падать на траве, – были лучше.

– Пошли, Мамедов.

– Пошли.

– Держаться за мной. След в след.

– Пока.

– Пока.

– Но пасаран, – говорит капитан.

Мы уходим. Но почему мне так весело? Или этот снег, как дурь? Какая яркая муть. Глаза нагреваются. Надо оглянуться, все ли ребята в очках, будут потом, как глубоководные рыбы. Не могу понять, поднимается ледник или опускается. Что, впереди – стена или спуск. Потрогать рукой? Какое-то бесфокусное состояние. Рассеянная видимость. Близорукость, как невесомость. Если бы ещё не автомат. Брось его, ты там очень нужен без своего автомата, ха, тебе там такой "Блэк Саббот" устроят. Ветер, сволочь, режет.

ЗАГОРАЕТСЯ-ГАСНЕТ МАЛЕНЬКАЯ ОРАНЖЕВАЯ ЛАМПОЧКА. Я В БОКСЕ ОДИН. Я ВОЛОДЯ МАКСИМОВ. ВОТ СТЕНА БОКСА. Я БЫЛ НА ВОЙНЕ. Я НЕНАВИЖУ ВОЙНУ.

– Вы почему не спите?

Моя белая сестра.

– Я сплю.

– Нет, не спите. Вам надо спать сейчас. Спите.

– Я же говорю вам, что я сплю.

Закрываю глаза. У Ники гигантские крылья. У Ники нет головы.

Тяжело. Смешным цыплячьим ходом, вонзая перед собой ледоруб и переставляя ноги в вибрамах на три счёта. Тяжело. Ноги мокрые давно. Но всё равно хорошо, что дали вибрамы, – отыграемся на камнях. Чёрт, всё-таки на юге было легче. Сидишь себе в броне и смотришь в щель – дымки над кишлаками. Если в селении есть дети – можно даже выйти из брони поговорить, душманы не тронут.

– Максимов, ты из нас альпинистов хочешь сделать, да? – тяжело дышит сзади Мамедыч. – Дай пострелять, отдохнуть.

– Успеешь ещё, – гудит снизу амбал Глебов.

Горят, нагреваются под адским солнцем глаза. Расплавленный снег. И это ещё туман. Все ли надели очки? У меня как назло разбиты. Снежник должен кончиться скоро. Скоро окно перевала. Идти на три счёта. Тяжело. Устал. Мамедов обходит меня. Делает вид, что смеётся, а сам задыхается. Странно он поднимается, совсем не страхуясь, взбегает мелкими шажками, а потом отдыхает. У него меньше "рожков" в подсумке, почти всё железо у Глебова. Всё равно приходится рубить себе новые ступени, подниматься по этим мелким и частым следам Мамедыча почти невозможно. Хотели прислать профессиональных альпинистов, а прислали нас. Пару уроков на траве и вверх, в снег. Вас спрячет снег, альпийские стрелки!

НЕТ МАМЕДОВА. НЕТ ГЛЕБОВА. ТРЕТИЙ, КТО БЫЛ ТРЕТИЙ С НАМИ ТОГДА? ПАРЕНЬ С УКРАИНЫ. ВИЖУ ЛИЦО, А ФАМИЛИЮ НЕ МОГУ ВСПОМНИТЬ. ТАКОЕ ХУЛИГАНСКОЕ У НЕГО ЛИЦО, ПОДВОДНОЕ, А САМ ДУШЕВНЫЙ. ЕГО ТОЖЕ УБИЛИ. ЗАЧЕМ ОН ГЛЕБОВА ПРИКРЫВАЛ? Я КРИЧАЛ ЕМУ: ГЛЕБОВ УБИТ! А ОН...

– Вам плохо?

Моя сестра.

– Нет.

– Вы стонали.

Она наклоняется. Что-то делает с шлангом.

– Да, я стонал.

Я молчу теперь, жду.

– Больно?

Говорю:

– Нет.

Я думаю, спросить её или нет. "Спросить её или нет?". Не знаю, почему это вдруг сейчас и именно это. Ведь там это не было самым главным. Там было совсем другое. Это сейчас – эти сны.

– Вы знаете, чего я больше всего боялся там, в Афгане?

Зачем я спрашиваю сейчас её об этом? Сейчас ночь. Зачем? Она не отвечает. Она молчит. Нельзя ничего говорить, когда спрашивают такое. Я говорю:

– Казни.

Она молчит. Шланг, она трогает шланг, я чувствую.

Мне не больно.

Галя. Твое лицо-луна. Из края в край я проходил его глазами. Тогда. Это было тогда и там, под Псковом. Я сильно простудился и лежал в деревенской избе, пока вы давали агитконцерт в клубе. "И мрамор лейтенантов, холодный монумент…". Было холодно. Открылась дверь, это была ты. Валенки в снегу, твой смех. Ты должна была быть на концерте, почему ты здесь? Ты наклонилась ко мне. Твое лицо-луна. Кто-то рассказывал: в сорок втором под Мурманском наши сестры ложились с обмороженными летчиками, когда врачи отказывались уже их спасти. Сестры прижимались к полумёртвым солдатам, и они оживали – бесконечное чудо жизни. И тогда под Псковом ты разделась и легла, и прижалась ко мне, как жена. Тогда. Моё тело, оно долго помнило потом эти ожоги твоих касаний. К черту пенициллин фельдшера из районного центра! Твои губы. Счастье. Я никогда не думал, что это будет у нас именно так. Галя.

Я ХОЧУ ЖИТЬ, ЖИТЬ. ТРОГАТЬ РУКАМИ КОШКУ, СОБАКУ. ДЫШАТЬ ОТКРЫТЫМ РТОМ, КАК ПОСЛЕ БЕГА. РАСТОПЫРЕННЫМИ ГЛАЗАМИ ТЫКАТЬСЯ В МЯГКИЕ ЛИСТЬЯ.

Нас было четверо. Они обнаружили нас первыми. Каменистая морена хорошо прячет от пуль. Плохо, что камни мокрые – скользко. Сильный дождь был ночью на границе между чёрным и белым облаком, били молнии снизу вверх, для нас это были игрушки – красиво. А сейчас душманы рубят по нам из крупнокалиберных пулеметов. Значит, эта долина. Эта. Перемигиваемся. Капитан угадал. Мы угадали. Здесь эта чёртова база, которую искали почти три месяца, и минное поле было не старое. Когда рассвело, мы увидели останки "восьмерки", вертолета нашего (странно, что ещё цело стекло), одного из четырёх, пропавших без вести весной. Мамедов лишь только поднялся – сразу очередь. И всё загрохотало, словно пошла лавина или сель. Камни прячут от пуль, но не от мин и снарядов. Теперь камни – тупые осколки. Обрушиваются. Камни и железо. Глыбы. Грохот. Они что, решили, что десант? Идиоты. Какой десант в такую погоду. "Мамедов, назад!". Но иначе зачем им устраивать это? Или всегда ждали с этой стороны? Но тогда почему такое жидкое минное поле? Теперь задули эти болванки. Они лупят стингерами, словно мы – танки и вертолёты. Идиоты. Молчим, вжимаемся лицами в камни, оставляя предсмертные маски. Они не могут пристреляться. Не отвечаем. Когда же кончится это? Словно сидишь в запаянной консервной банке, по которой лупят железным прутом. Опомнились. Гаснет смертельное эхо. "Глебов, где ты?!". Теперь они поняли, что нас – раз-два и обчёлся. Теперь они перебегают всё ближе и ближе. Хотят взять в плен? Ну, акээмчик, давай! Очередь. Короткие очереди. Магазинов мало. Взрыв – беззвучный, влажный какой-то грохот, как будто не камни вокруг. Накрыли меня? Нет, не меня, ведь я продолжаю стрелять. Трое, три автомата. Глебов? Да, он. Сними с рукава его палец. Не оглядывайся. Там воронка, всё разворочено – что-то яркое, красное, дымящееся... Получайте, гады, получайте. За Глебова. "Тарасенко, отходи, Глебов убит! Отходи, Тарасенко, в снег!". Очередь. Зацепило Мамедова. Кусок дрожащей словно от холода спины. Он тоже убит. Что же это за бойня?! Получайте! Теперь пустота. Только стрелять. Война – это пустота ненависти. Перегрелся ствол уже. Пустота. Получайте, гады. Перезарядить. "Я не сдамся". Получайте. Они же дергаются, падают. Пустота и спокойствие. Получайте ещё. Ещё, ещё... "Тарасенко, уходи оттуда! Глебов убит! Мамедов тоже убит!". Каменная шелуха разлетается, колет. Это каменные брызги от пуль. Второе касание смерти. Гильзы бренчат по камням – как я могу слышать это в таком грохоте? Или это звон в ушах? Очереди. "Тарасенко, в снег!" – рычу, он должен уйти. Получайте. Палец устал. Нажимай. "Я не сдамся!".

ОРАНЖЕВАЯ ЛАМПОЧКА ЗАГОРАЕТСЯ-ГАСНЕТ. ЗАГОРАЕТСЯ-ГАСНЕТ. ЗАГОРАЕТСЯ-ГАСНЕТ.

Срезали гипс. Гипс срезали ещё утром. Две сестры поднимали мне руки, я видел: умерли волосы. Мои слабые кисти. Я даже не могу ощупать своё тело, чтобы узнать, что с ним. Завтра они начнут массировать мои пальцы и руки. Врач говорит, что всё хорошо, и сестра говорит, что всё хорошо, но я им не верю. Этот шланг, этот насос. Они уходят от ответов. Я должен знать, что это. Надо встать. Сейчас ночь. Оранжевая лампочка загорается и гаснет. Они сказали, что Галя звонила из аэропорта. Ей разрешили прийти завтра. Надо встать. Кто я? Что это за шланг? Я должен встать, чёрт подери! Я полз там, в тумане, в этой чёрной туче через минное поле, и они не нашли меня, чтобы казнить. Я слышал их гортанные выкрики над головой, один раз мне показалось, что задели сапогом, может быть, это уже был бред, но я слышал выкрики на пушту и видел каракуль сквозь клочья тумана. Так что я, не встану здесь, в каком-то госпитале? Ведь здесь нет ничего. Ерунда одна. Только лекарства от боли, но моя боль – это моя жизнь. Мамедыч смеялся: "Если не больно, значит, ты уже мёртвый". Мамедыч мне поможет встать. Встать, прапорщик Максимов! Встать, кому говорю, сволочь! Подвинь ногу, ещё, как тогда, когда дёргал зубами шнур сигнального патрона, пропитанный автолом, который разлился ещё в машине, – это был вкус жизни. Как тогда, заметив дублирующую четвёрку наших на снежнике. Это было окно в чёрной туче. Бог хранит тебя. Я приказываю: встать! Лживые корреспонденты, вчера они называли раненых героями, а сегодня, когда мы уходим из Афганистана, они говорят, что, может быть, всё это было бессмысленно. И сегодня они хотят, чтобы раненые пожаловались. Пусть спросят у мёртвых! От Глебова не осталось ничего, совсем ничего. Мы умирали там, и это не может быть бессмысленно. Там была наша смерть, но рядом жизнь – не резиновая, не целлофановая. На войне другие ценности. Эти корреспонденты – это всё вранье, вся эта словесня. Я тоже за мир, и я ненавижу войну, но я ненавижу её своим искалеченным телом, а не бойким язычком, зарабатывающим деньги.

Я ненавижу войну, но, если будет надо, я снова поползу туда, на перевал, потому что там остались Глебов, Мамедов, Тарасенко. Мы были там, и мы там умирали, и это не может быть бессмысленно, потому что тогда бессмысленно всё. Это они изврались здесь. Они могут только хором – или одно, или другое, а мы умирали там и без команд. Они ругали таких, как я, в газетах, что мы любим только рок, девочек и наркотики и забыли подвиги своих отцов и дедов, а в это время мы там умирали, как наши отцы и деды. А теперь они говорят, что, может быть, это было бессмысленно. Это их абстрактное "может быть". Я зубами вырву глаза за такое... Силу, силу набрать. А сейчас вставай, вставай, Максимов! Завтра приедет твоя женщина. Женщина. Или ты уже забыл этот жар и эти глаза? Ты должен быть в форме, Максимов. Завтра – сердцевина ореха. Ты расскажешь ей всё, что ты понял про время: и про Фогеля, и про песочные часы, и про Псков, и она не будет ничего спрашивать об Афганистане, она и так всё знает, ведь когда-то мы вместе читали стихи поэтов, погибших в другую войну. А сейчас посмотрим, эта дурацкая трубка внизу, между ногами...

ГОСПОДИ! ЗА ЧТО?! ЛУЧШЕ БЫ Я ОСТАЛСЯ ТАМ, НА КАМНЯХ, СО СВОИМИ ДРУЗЬЯМИ. ПОЧЕМУ ИСКОВЕРКАЛИ НЕ РУКУ, НЕ НОГУ, НЕ ГОЛОВУ, А ЭТО?! ГАЗНИ.

Окно. Вырвать трубку, добраться до окна. Стекло разбить табуреткой. Это девятый этаж. Выброситься, выброситься скорее. Пошёл, Максимов...

– Что вы делаете? Кто разрешил вам встать?

"Сестра, чёрт бы её побрал!"

– Назад! Максимов, назад!

"Господи, дай силу! Что же за издевательство! Я не мужчина. И я не могу даже справиться с этой белой сукой!".

– Я хочу умереть! Умереть! Пусти меня! Пусти к окну, сука, слышишь? Ты не имеешь права, никто не имеет права. Господи!

– Успокойтесь! Ложитесь, вам говорят! Я вызову дежурного врача.

– Никто не имеет права, слышишь?! Я не хочу быть таким! Я всё равно убью себя, перережу вены. Назад, сука, блядь! Глебов, ко мне! Глебов, где ты? Мамедов! Тарасенко, отходи! Огонь! Огонь!! Получайте, гады, получайте! А-аа...

– В чём дело?

– Истерика, товарищ дежурный врач, он пытался встать.

ЭТО БЫЛО СОВСЕМ НЕ В ГАЗНИ. ПЕРЕВАЛ С НЕИЗВЕСТНЫМ НАЗВАНИЕМ В СИСТЕМЕ ХРЕБТОВ ГИНДУКУША НЕДАЛЕКО ОТ ГОРЫ ТИРГАРАН.

Спокоен я. Как отпечаток того камня, в который вжимался лицом. Закрою левый глаз, и перестанет существовать этот страшный прибор, который когда-то привезли на место капельницы. Или и не было капельницы? Спокоен. Закрыть левый и открыть правый – исчезнет прибор, и останется... Останется эта девушка с круглым лицом, как луна, с глазами, полными слез. Спокоен. Странное удвоение мира, зачем оно? Я ДАЖЕ НЕ СПРАШИВАЮ СЕБЯ, ЗАЧЕМ ОНА ПРИШЛА. Мне всё равно. Я закрываю глаза. Это моё право – возвращаться туда, куда хочу. Я выбираю сам своё время. Я сжигаю свой Псков, сжигаю старый "Стейнвей", я разбиваю песочные часы и оставляю себе одну единственную песчинку. Я выбираю перевал с неизвестным названием в системе хребтов Гиндукуша недалеко от горы Тиргаран, где погибли мои товарищи. Я выбираю снег, мокрые ноги, пули душманов, белое и чёрное облако. "Ну и глаза у тебя красные, – смеётся Мамедов, – как у слона". Сигареты, трофейные, американские, ещё с юга, не отмокли только у Глебова. Мы курим одну на троих, и Тарасенко травит какой-то дурацкий анекдот. Смешно только оттого, что Тарасенко не умеет их рассказывать, он всё время забывает, что...

– ВОЛОДЯ, ВОЛОДЯ, ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ? ЭТО Я, ГАЛЯ.

Нет. Нет, не слышу. Здесь меня нет. Он не умеет их рассказывать, он всё время забывает, что было дальше. Глебов стукает его своим огромным кулачищем по спине, как в "жучка", давай, мол, трави следующий, этот всё равно не вспомнишь. Мамедов...

– ВОЛОДЯ. ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО, СЛЫШИШЬ?

Мамедов пополз к вертолету. Там ли ещё тела наших? Надо похоронить, надо забрать документы. Сейчас раздастся очередь. Значит, эта долина. Эта. Капитан угадал.

– ВОЛОДЯ, НЕ МОЛЧИ, ПОЖАЛУЙСТА. ЭТО НЕ ТАК – ТО, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ.

Значит, не зря мы мучились на перевале, дышали открытыми ртами, как рыбы. Не зря горели мои глаза, и снег в глубоком следу на самом гребне у бергшрунта был таким странным, он светился, след, изнутри, как будто там голубая лампа. Вжиканье. Пули сжимают воздух. Пули рядом совсем, лучше не протягивать руку. Сейчас всё начнется. Почему я должен ползти обратно, до зоны радиосвязи, до скалы с вертикальной расселиной, откуда наши увидят ракету? Я не хочу оставлять их здесь, своих братьев. Здесь приказываю я, капитан остался внизу. Мы будем стрелять в этих гадов вместе.

– ВОЛОДЯ, Я ГОВОРИЛА С ВРАЧОМ. ТЕБЕ СДЕЛАЮТ ОПЕРАЦИЮ В МОСКВЕ. ВСЁ ВОССТАНОВИТСЯ. ЕСТЬ ШАНСЫ.

Они убили Мамедова. Окружают. Шансов уйти нет. Эти гнусные разбалансированные пули. Огонь! За Мамедыча, гады, получайте. "Тарасенко, налево!". Получайте. Пули режут камни. Не дают подняться. "Я не сдамся!".

– ВОЛОДЯ, ПОВЕРЬ... Я НЕ ПРИЕХАЛА БЫ И ТЕБЯ И СЕБЯ МУЧИТЬ.

Её слезы, она плачет. Это лицо-луна. Не сметь! Солдаты не плачут! Назад, Максимов, на перевал!

– ВОЛОДЯ, ВСЁ ВОССТАНОВИТСЯ... УМОЛЯЮ, ВОЛОДЕЧКА... НУ ЧТО ТЫ МОЛЧИШЬ?!

Назад, Максимов! Глебов убит. За Глебова вот тебе, вот тебе! "Тарасенко, отходи в снег!". Слышишь, Тарасенко!".

– Я БУДУ ТВОЕЙ ЖЕНОЙ. Я ЖЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. ГОСПОДИ. ПОМОГИТЕ МНЕ, КТО-НИБУДЬ! ВОЛОДЯ, ВЕДЬ НАШИ СЁСТРЫ ПОД МУРМАНСКОМ...